

ОТЗЫВ

на выпускную квалификационную работу магистра лингвистики «**Особенности семантической интеграции лексического и грамматического значений при переносном употреблении глагольных форм прошедшего времени (экспериментальное исследование на материале русского языка)**», выполненную Д.А. Черновой, студенткой кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ

Цель, которую Дарья Алексеевна Чернова ставит в своей работе, — изучение интеграции лексической и грамматической информации в процессе восприятия текста на примере сочетания глагольной формы с обстоятельствами времени. Материалом для анализа стали предложения на русском языке, где глагол в прошедшем времени идет после наречия *завтра*. Сперва Д.А. Чернова провела корпусное исследование, отбирая и классифицируя подобные предложения, а затем изучила, как носители языка воспринимают их, используя метод регистрации движений глаз при чтении.

Корпусное исследование показало, что такие предложения распадаются на две группы. В первой мы имеем дело с нетрадиционным употреблением наречия *завтра* – в значении «на следующий день», но по отношению не к моменту речи, а к описываемому событию, например «Завтра они уезжали из Тегерана». Вторая группа – это конструкции вроде «Сегодня купил – завтра продал». Таким образом, в первой группе локализация событий на временной оси производится с опорой на форму прошедшего времени (а также, возможно, на более широкий контекст), т.е. эта форма употребляется в своем основном прямом значении. Во второй группе предложений *завтра* не указывает на будущее время, а глагол – на прошедшее. Вся конструкция интерпретируется как единое целое, причем временная привязка не является частью этой интерпретации – отсылает ли предложение к прошлому, настоящему или будущему зачастую становится понятно только из контекста. Отметим, что в работе приводится подробный и интересный анализ семантики этой конструкции, а также способов локализации на временной оси описываемых ею событий

Затем Д.А. Чернова переходит к эксперименту. В качестве материала взяты найденные в корпусе примеры двух типов, иногда незначительно измененные, а также аналогичные предложения, где после наречия *завтра* идет глагол в будущем времени. Эксперимент показал, что в предложениях первого типа наречие и глагол вызывают значительные затруднения (по сравнению с контрольным условием, где глагол стоит в форме будущего времени), а в предложениях второго типа – нет, т.е. однотипные сочетания воспринимаются по-разному в зависимости от того, являются ли они частью конструкции. Следует отметить, что эксперимент очень грамотно спланирован. Единственный минус – малое число примеров первого типа, но, так как различия в соответствующих условиях оказались статистически значимыми, его можно считать несущественным.

Во введении Д.А. Чернова недооценивает свою работу, говоря, что ее новизна определяется отсутствием подобных исследований на материале русского языка. Насколько мы можем судить, аналогичных экспериментов не проводилось и на других языках. При этом Д.А. Чернова справедливо отмечает, что результаты ее эксперимента важны для вопроса о статусе грамматических конструкций, который широко обсуждается в современной лингвистике. Таким образом, исследование Д.А. Черновой, безусловно, удовлетворяет критериям новизны и актуальности и представляет интерес для широкого круга лингвистов.

Среди недостатков работы, которые в целом незначительны, можно отметить следующие. Во-первых, работа касается очень разных областей (категория времени, система значений временных и других грамматических форм, анализ движений глаз, статус конструкций в языке и ментальном лексиконе и др.), и само по себе это, конечно, большое

достоинство. Однако сообщаемая об этих областях информация не всегда легко складывается в единый связный рассказ. Вероятно, ситуацию могло бы исправить подробное введение с планом последующих глав. Кроме того, обзорные части местами немного сумбурны. Например, вводя понятие конструкции и ссылаясь на различные работы, Д.А. Чернова не показывает ясно и не всегда учитывает, что разные авторы вкладывают в него очень разный смысл. Есть крайние точки зрения: с одной стороны, некоторые представители генеративного направления считают, что никаких конструкций, кроме идиом с фиксированным лексическим наполнением, не бывает, с другой стороны, сторонники радикальной грамматики конструкций вроде Томазелло и Крофта, по сути, сводят к конструкциям весь синтаксис. Между этими двумя полюсами есть различные промежуточные позиции, и, насколько мы можем судить, именно они созвучны идеям Д.А. Черновой.

Во-вторых, в числе задач проводимого эксперимента Д.А. Чернова упоминает следующую: установить, отличается ли восприятие переносного употребления глагольной формы прошедшего времени от восприятия прямого употребления глагольной формы прошедшего времени. С нашей точки зрения, этот эксперимент не может ответить на такой вопрос. Для этого было бы нужно сравнить два типа предложений: те, где формы прошедшего времени употребляются в переносном значении, и минимально отличающиеся от них, где формы прошедшего времени используются в прямом значении. Напомним, что в данном эксперименте было две группы предложений: в первой форма прошедшего времени использовалась в прямом значении, но в сочетании с необычным и не вполне нормативным значением наречия *завтра*, а во второй – в переносном, но в рамках особой конструкции. Каждая группа сопоставляется с контрольными предложениями, где глагол стоит в форме будущего времени. Из того, что для первой выявлены значимые различия, а для второй – нет, можно сделать выводы о роли грамматических конструкций, которые Д.А. Чернова и формулирует в конце работы, но никак не о восприятии прямых и переносных значений временных форм. Так как данный недочет не повлиял на грамотное планирование эксперимента и анализ результатов, мы считаем его незначительным. Скорее мы видим здесь интересное направление для дальнейшей работы.

Большая часть прочих замеченных нами недочетов связана с оформлением работы и способами подачи материала. Например, английские цитаты даются без перевода. В некоторых случаях используются английские термины, для которых есть устоявшиеся русские аналоги (скажем, *one-way ANOVA* – это однофакторный дисперсионный анализ). Результаты дисперсионного анализа указываются не так, как это делается обычно (F со степенями свободы и p), а в виде таблиц. Данные, с которыми было бы удобнее знакомиться в тексте или в таблицах, скажем, два сравниваемых значения времени фиксации на определенном фрагменте, представлены на диаграммах без числовых подписей.

В целом же недостатки работы никак не компрометируют проведенные автором исследования и сделанные на их основе выводы. Эти недостатки можно считать несущественными, особенно на фоне полученных автором новых и интересных результатов, а потому они никак не влияют на общее высокое качество работы. Квалификационное сочинение Д.А. Черновой соответствует всем требованиям, предъявляемым к такого рода работам, и заслуживает высокой оценки.

27.05.2012

К. ф. н. Н. А. Слюсарь